

Был февраль, да был таков —
лишь капли легкий лепет.
Девочка снеговиков,
под окном гуляя, лепит.
Производственный поток,
верно, выстроить решила —
на скамейку, на капот
продырявленной машины.
Нагребает снег сырой,
старый дом увеселяет —
словно свежей детворой
землю снова населяет...

Населяет — стало быть,
под невзгодою и взгодой
будет женщина творить,
что назначено природой.
А что малы да влажны,
ручки — сломанные ветки,
до апреля неважны
эти маленькие бедки.
Не разжалобишь прогноз —
и они не оробеют:
снова поутру мороз —
закалятся, загрубеют.
Устоят который раз
при обыденной погоде...
Лето красное у нас
тоже оттепели вроде.

Напетое смолоду снова учить не надо:
я помню все песни Московской Олимпиады,
а если докапываться до глубины —
и песни Великой Отечественной войны.
А вовсе уйти в запамятные глубины —
возникнут из глины северные былины
и все проголосные, что я проголосил
по юности, хоть малолеткой не выносил.

Теперь малолетние мне говорят: «Папаша,
что было, то сплыло, сегодня эпоха наша.
Покуда раскапывал ты позапрошлый век,
мы корни пустили и вытянулись вверх...»
Теперь для почета особый искус и вкус,
а точкой отсчета Иосиф — не Иисус.
Мол, новая эра — мы все от нее возьмем,
а ваш чернозем, пардоньте, разит назьмом...

Не ведая броду, и в землю сглупа не суйтесь:
на севере сроду — суглинок, подзол и супесь,
а тот чернозем, что можно на хлеб ножом —
теперь за юго-западным рубежом.
И, может быть, овощу свежего урожая
земля до бывшего края и впрямь чужая,
а как сойдутся тертые калачи,
про новую географию помолчи.

Но сходятся молодые — ответить нечем:
я сорок на двадцать миллениумом размечен,
и, чтобы на той не кончиться стороне,
мне надо прожить на этой еще вдвойне.
Цепляйся, чем хочешь, коль надо, живи, хоть тресни —
до самого края, до волчьей прощальной песни,
и хоть завяжись узлом, вековой разлом,
как будто мостом, удерживая хребтом.

Простором досыта наполнись,
пока наверняка века
перемолачивает поезд
глубинами материка,
где под корнями ходит море,
и орошается земля
на придорожном кособоре
фонтанчиками ковыля,
и, как процеженная ситом
через кедровые тела,
степь, рассеченная Транссибом,
голубовата избела.

Земля суха до корочки. Июль.
 На кухне — столкновение кастрюль:
 нагреть воды и наварить варенья.
 Когда уже горячую дадут?..
 Обыкновенный ежелетний труд
 со дня водопроводосотворенья.

Но есть иной — садовый домострой,
 где бочки нагреваются жарой,
 как тихоокеанские лагуны.
 И сад лакает жадно, словно лось,
 как будто проливается насквозь
 она через подземные лакуны

туда, где новый день — через полдня,
 где нет меня, а только часть меня
 и, тоже словно лось на водопое,
 киношный город ангельских кровей,
 что с лету отзывается на «эй»
 в потустороннем водоносном зное...

И возвращаются издалека
 с попутным ветром только облака.

ЖИМОЛОСТЬ

Покупали сад, а словно по наследству
 он достался нам вдали от суеты.
 Там за яблонею рослой по соседству —
 ранней жимолости давние кусты.
 Впереди иных от радостного солнца
 под живой его рекою световой
 сизых ягод наливные веретенца
 наполняются небесной синевой.

Но который год на памяти бороздка:
 веретенец этих с каждого куста
 набирается лишь маленькая горстка —
 не распробуешь, по правде ли вкусна...

Покуражится весна порою майской
 или смилуется — перемены нет.
 Также требует заботы маломальской,
 чтобы цвет не обращался в пустоцвет.
 Но едва неистребимая природа
 распечатывает солнечные дни,
 вновь на жимолости с полуоборота
 распускаются веселые огни.

Если даже наберется по наперстку
и опять ее на вкус не уловлю,
ранней жимолости маленькую горстку
я с тобою непременно разделю.
Пусть от первого весеннего отростка
будет помниться до ранних холодов
малость жимолости — молодости горстка,
обещание несбыточных плодов.

* * *

Переменить, что было,
жизни вполне хватило —
треснувшую страну,
лопнувшую струну...
Ладно, что не жену —
должен на свете быть,
кого не переменить.

Жизни сухой остаток
вроде не больно сладок —
всего, что душа могла,
Родина не приняла.
Да есть еще кипяточка
на два или три глоточка.

Может, и слава Богу —
прожили понемногу,
сами держась собой...
Да не само собой —
на цыпочки привставали,
пальчиками доставали
среди взбаламученной глубины
прежние валуны.

* * *

Повторяется, не обрывается
металлический голос в ночи:
— Осторожно, страна закрывается...
Берегись, говорит — помолчи...

Отыщу телогрейку на вате я:
как по осени — самое то...
Кто с какой стороны виноватее,
до конца не узнает никто.

Речи пламенны или матовы —
сколько лет и людей на распыл...

Если что — как портянки наматывать,
я еще до конца не забыл.

Кто с какой стороны нарывается,
где воистину меньше вранья?
Осторожно — земля порывается
воротиться на войны своя.

* * *

Миновала лета половина —
зреет колос, птица не поет.
По эмали доньшка малина
тихо колокольчиками бьет.
Листья не успели для полета,
но уже рождается в глубине
перезвон малиновый по лету...
Да еще, наверно, не по мне.

* * *

Повея на прохладе плечом,
ощути, как ребенок, спросонок:
запах груши едва различим,
запах сливы неслыханно тонок.
И, почуяв животную связь,
неподвластную точным наукам,
улови, как, перевоплотясь,
он становится светом и звуком.